

3. Этика искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Этика_искусственного_интеллекта. – Дата доступа: 03.06.2022.

4. **Разин, А. В.** Этика искусственного интеллекта / А. В. Разин // Философия и общество. – 2019. – № 1 (90). – С. 57–73.

5. Этичное применение искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / П. М. Готовцев [и др.] // Этика и «цифра»: проблемы цифровых технологий: аналит. докл. – Режим доступа: ethics.cdto.ranepa.ru/3_3. – Дата доступа: 06.06.2022.

УДК 94(47).084.9

Д. Н. Постников

ИСТОРИЯ РАСПАДА СССР СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНАЛИТИКИ ТРАВМЫ

Аннотация. Категория травмы рассмотрена в статье в качестве специфического объекта междисциплинарного исследования. Автор обосновывает возможность применения аналитики травмы в процессе изучения истории распада СССР. Сделан вывод о том, что нарратив о прекращении существования Советского Союза наполнен личными и общественными репрезентациями в настоящем.

Ключевые слова: историческая травма, аналитика травмы, распад СССР, постсоветское пространство.

Социальные потрясения и тот опыт катастроф, которые пережило человечество в XX в., безусловно, требует осмысления. Воспоминания о прошлых травмирующих событиях конструируются в различных социальных и культурных контекстах. Дискуссии о травматическом опыте как предмете социального анализа ведутся не одно десятилетие [5, 7].

Во вступительной статье к сборнику «Травма: пункты» отмечено, что изучение травмы гуманитарными и общественными науками может быть выстроено по трем ключевым линиям:

1) понимание травмы как опыта утраты («травма-как-утрата»), когда «утрата становится причиной переоценки уже несуществующего «целого», а «сама картина «целостности» возникает лишь впоследствии – в процессе осмысления утраты» [7, с. 9];

2) исследование травмы как символической матрицы, определяющей общую систему повествовательных координат («травма-как-сюжет»);

3) рассмотрение травмы в качестве консолидирующего события [7, с. 8–9].

В процессе рассмотрения истории распада СССР в контексте обращения к травматическому опыту важным является ответ на вопрос о том, насколько аналитика травмы (сформировавшаяся по большому счету в американском варианте) эффективна при изучении советского прошлого и событий, развернувшихся на постсоветском пространстве в 1990-е гг. И тогда становится очевидным то, что исследование истории распада СССР «нуждается в самостоятель-

ных решениях, а также в активном и открытом диалоге с самыми разными течениями гуманитарной мысли, начиная с теории практик и «аффективного поворота» и заканчивая «старой доброй» критической теорией» [6, с. 116].

Отметим, что целью данной работы является не описание непосредственных социально-экономических и политических трансформаций начала 1990-х гг., а поиск ответа на вопрос о том, могут ли эти события и процессы быть охарактеризованы как историческая травма.

Для значительной части населения постсоветского пространства рубеж 1980–90-х гг. – это не только эпоха значительных политических и социально-экономических перемен, но и своего рода точка невозврата, отделившая «время, где было хорошо, от времени, когда стало плохо, как в эмоциональном плане, так и в плане изменения ценностей» [1, с. 38]. Это было время потери идеологических ориентиров, разочарования от ошибочности выбранного ранее руководством страны курса и страха перед радикальными экономическими реформами. Разрушались экономические связи государств [8]. С этого переломного периода «коммунистические институты власти становятся пережитком прошлого, происходят метаморфозы в социальной структуре» [2, с. 263]. Распад СССР и последовавшие за этим события, вне всякого сомнения, могут быть охарактеризованы сквозь призму исторической травмы, понимаемой как «сохраненная память поколений о социальных потрясениях, о событиях, нарушивших привычное течение жизни и преобразовавших систему базовых ценностей» [3, с. 26]. Следовательно, историческая травма функционирует как нарратив с личными и общественными репрезентациями в настоящем.

Воспоминания о прошлых травмирующих событиях конструируются в социальных и культурных контекстах, которые часто определяют то, что вспоминается и как это интерпретируется. Одним и тем же событиям разные поколения могут присваивать различные смыслы травматизации. В рамках нашей темы интерес представляет работа В. А. Барановой и А. И. Донцова: исследователями был осуществлен анализ интервью двух поколений россиян (старшего (1928–1939 г. р.) и младшего (1961–1975 г. р.)) о распаде СССР. Старшее поколение акцентировало внимание на темах «предательства, брошенности, разрушения идеалов», что, по мнению авторов, свидетельствует о морально-нравственном контексте травмы. Младшее поколение описывало этот период в категориях «преодоления», в высказываниях в большей степени были представлены темы физического и бытового выживания [1, с. 40]. При всех различиях и в первом, и во втором случае наблюдается сохраненная память о сломе привычного течения жизни, что характерно для исторической травмы.

Возникает закономерный вопрос: с какой целью различные социальные общности и группы вспоминают травмирующие события? По мнению исследователей, делается это для того, чтобы различные объединения людей могли укрепить свою идентичность [4, с. 129]. В свою очередь, события конца 1980-х – начала 1990-х гг. оказали огромное влияние на формирование наци-

ональных государств на постсоветском пространстве, а оптимизация пережитого негативного опыта стала стимулом для движения вперед.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баранова, В. А.** Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп / В. А. Баранова, А. И. Донцов // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 29–46.
2. **Захарченко, А. В.** На заре «эпохи 1990-х»: общественные настроения жителей Куйбышевской области в 1990–1991 гг. в контексте социальной истории России / А. В. Захарченко, М. С. Кирдяшев, К. В. Панкеева // Самар. науч. вестн. – 2018. – Т. 7, № 4 (25). – С. 263–270.
3. **Константинова, А. Г.** 1990-е годы в истории закрытых административно-территориальных образований атомной промышленности сквозь призму аналитики травмы (trauma studies): к постановке проблемы / А. Г. Константинова // Вестн. Майкоп. гос. технол. ун-та. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 24–30.
4. **Красноборов, М. А.** Механизмы взаимодействия семейной и общенациональной исторической памяти в процессе формирования локальной идентичности / М. А. Красноборов // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Соц.-экон. науки. – 2017. – № 3. – С. 123–131.
5. **Мороз, О.** Trauma studies: История, репрезентация, свидетель / О. Мороз, Е. Суверина // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 1. – С. 59–74.
6. **Николай, Ф.** Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России / Ф. Николай, И. Кобылин // Логос. – 2017. – № 5. – С. 115–136.
7. Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. – Москва, 2009. – 936 с.
8. **Жылінскі, П. А.** Распад рублёвой зоны і станаўленне ў Беларусі ўласнай грашовай сістэмы (1991–1994) / П. А. Жылінскі // Часопіс Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. – 2017. – № 1. – С. 41–47.

УДК 316.614:316.772.4:316.772.5

Ю. О. Сень

ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Аннотация. В данной работе описывается одна из актуальных тем в современном мире, а именно перечисление плюсов и минусов использования интернета в жизни молодежи, представлены самые различные варианты пользы и в то же время опасности от нахождения в интернет-пространстве.

Ключевые слова: интернет, удобства, современность, гаджеты, опасность, будущее, зависимость, соцсети.

Несколько десятилетий назад интернет для многих был роскошью, не всем были доступны персональные компьютеры, «всемирная паутина» не была такой обширной, как сейчас, доступ к интернет-точке если и был, то быстрота соеди-